Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Эррико Малатеста
Мы и мадзинисты
9 мая 1920

Umanità Nova, год 1-й, №61

ru.anarchistlibraries.net

Мы и мадзинисты

Эррико Малатеста

9 мая 1920

Мадзинист Т. Аббузи посылает мне из Рима с просьбой опубликовать письмо, которое должно быть ответом на заметку, которую я приложил к другому его письму, опубликованному в нашем 50-м номере.

Я хотел бы доставить ему удовольствие, поскольку к мадзинистам питаю особую симпатию. Но как быть? Одной страницы нашей газеты не хватило бы, чтобы опубликовать то, что пишет Аббузи. Потом понадобилась бы ещё страница мне, чтобы ему ответить. Это было бы уже слишком!

Так что Аббузи простит меня, если, не публикуя его письма, я воспользуюсь им как поводом, чтобы немного прояснить обсуждаемые идеи.

Разумеется, я не стану пространно обсуждать сущность Мадзинизма. «*Мадзинизм*, – говорит Аббузи, – *не имеет конца, потому что идеологически означает непрерывный и бесконечный прогресс. Он может однажды стать анархией, и кто знает*! *возможно, даже чем-то большим, чем анархия*».

Вот именно: если кто-то приписывает Мадзини всё, что человечество замыслило и замыслит прекрасного и великого, тогда мадзинизм обнимает всё и решает всё.

Но это сладкая мания всех идолопоклонников. Так марксисты приписывают всё Марксу, и человек сходит за марксиста, даже если говорит, что хозяева обкрадывают рабочих (*ах*! *значит, он признаёт теорию прибавочной стоимости,* – кричат вам с торжествующим видом) или если утверждает ту тысячелетнюю истину, что для того, чтобы разум восторжествовал, нужна сила. Скажете, что солнце светит, – мадзинисты скажут, что это сказал Мадзини, а марксисты ответят, что это сказал Маркс. Таковы идолопоклонники.

Аббузи продолжает: «*Мадзинизм представляет из себя новую форму христианства… он очеловечивает христианство и преобразует его этику синтезом Бовио: Бог и Народ, а мститель – человеческая совесть*». Уф!

Вот: если Аббузи хочет со мной дискутировать, он должен оказать любезность говорить ясным языком, простым, доступным моему ограниченному уму, который, впрочем, есть ум тех людей, для которых мы пишем. И оставьте в покое Бовио, ради всего святого! Цитировать Бовио – отличное дело, когда хочешь, чтобы у мужиков отвисла челюсть, но не годится, когда хочешь быть понятым. «*Бог и народ, а мститель – человеческая совесть*»: пусть Аббузи попробует перевести эту напыщенную фразу на простонародный язык и убедится… что это всё пустые слова.

Но перейдём к сути: к тому, что мадзинисты хотят сделать.

Говорит Аббузи: «*Мы верим, что устранение привилегий может произойти только путём установления правительства, которое было бы материальным исполнителем воли народа. И под народом мы понимаем всех трудящихся. Что касается способа выражения воли народом, мы всегда можем*

ных санкций? «Республику», в которой каждый делает что хочет, при единственном условии, что не нарушает равной свободы других людей?

Если да, то почему они не называют её АНАРХИЕЙ?

Эррико Малатеста.

договориться. Мы считаем, что, поскольку при нынешних условиях общественной жизни трудно точно разграничить истинных трудящихся и истинных буржуа, должны участвовать, из чувства человеческой широты, в создании нового пакта общественного сожительства также и мелкие собственники, по крайней мере те, которые, имея состояние, соразмерное (в отношении к коллективному богатству) потребностям семьи, могут считаться уже освобожденными трудящимися. Но если трудящиеся захотят иначе, мы будем даже за участие одних лишь подлинных профессиональных объединений».

Но что это за путаница?

Кто эти «*мы*», которые должны договориться о способе выражения народом своей воли?

Хотят ли мадзинисты установить диктатуру (то, что в прошлый раз называлось временным правительством), которая издаст избирательный закон, регулирующий выборы в Учредительное собрание? И будут ли эти диктаторы по своему произволу решать, кто будет избирателем, а кто нет? Или это будут «трудящиеся», которые будут судить, кто такие «подлинные трудящиеся»? То есть собрание, избранное неведомо по каким критериям, которое должно решать, кто имеет право голоса.

А потом, если воля «народа», как бы она ни была выражена, не единодушна? Будет ли большинство, или то, что сойдёт за законное большинство, иметь право навязывать закон меньшинству? Будут ли полицейские, судьи, тюрьмы, словом, средства заставить несогласных подчиниться силой?

Вижу, что мы ещё не поняли друг друга.

Чтобы совершить революцию, то есть чтобы свергнуть ныне действующее монархическое правительство, мы рассчитываем на содействие республиканцев, как и они могут рассчитывать на наше.

Но на то, чтобы делать республику, мы вовсе не согласны.

Мы против диктатуры и против учредительного собрания.

Мы хотим, чтобы в самом акте революции, как только поражение буржуазной военной власти нам это позволит, тотчас же, по свободной инициативе всех рабочих организаций, всех сознательных групп, всех людей доброй воли движения, была осуществлена экспроприация и обобществление всего существующего богатства, чтобы без проволочек перейти к организации распределения и реорганизации производства согласно потребностям и желаниям различных регионов, различных коммун, различных групп, и прийти таким образом – под давлением идеи и потребностей – к взаимопониманию, пактам, соглашениям, необходимым для общественной жизни.

Говорить о правах, которые будут или не будут иметь буржуа, крупные и мелкие, после революции, нам кажется весьма нелепым, поскольку после революции, по крайней мере насколько это зависит от нас, буржуа больше не останется. То, что делает человека буржуа, – это факт владения средствами труда и использования их не для того, чтобы работать, а для того, чтобы эксплуатировать чужой труд; и трудящиеся, взяв в свои руки средства труда и тем самым естественно отказавшись работать на других, радикально уничтожат буржуазию и превратят всех людей в трудящихся.

Мы коммунисты, но прежде всего мы анархисты: и мадзинисты могут избавить себя от труда доказывать нам опасности авторитарного коммунизма.

Мы за либертарный коммунизм, то есть за коммунизм, свободно принятый и организованный различно в соответствии с различными условиями и различными желаниями объединённых. Кто предпочитает работать индивидуально или по какой-либо иной системе, отличной от коммунистической, должен иметь возможность это делать, при условии, что он не эксплуатирует чужой труд. Мы убеждены, что скоро практика покажет, что анархический коммунизм – это способ общественного сожительства, который лучше всего использует человеческие силы и оставляет более широкое поле для индивидуальной свободы, – но об этом само будущее скажет, что мы правы.

Мы не хотим ничего навязывать силой и не хотим терпеть никакого принудительного навязывания.

Мы хотим применять силу против правительства, потому что оно силой держит нас в подчинении.

Мы хотим силой экспроприировать собственников, потому что они силой удерживают природные богатства и капитал, плод труда, и используют их, чтобы принуждать других работать в свою пользу.

Силой мы будем бороться с любым, кто захотел бы силой удержать или вернуть средства для навязывания своей воли и эксплуатации чужого труда.

Силой мы будем сопротивляться любой «диктатуре» или «учредительному собранию», которые захотели бы встать над массами в революции. И мы будем бороться с республикой так же, как боремся с монархией, если республика означает правительство, каким бы образом оно ни пришло к власти, которое издаёт законы и имеет военные и уголовные средства, чтобы принуждать людей к повиновению.

За исключением перечисленных случаев, в которых применение силы оправдано как защита от силы, мы всегда против насилия и за свободу воли.

Для нас основополагающая идея анархизма – именно устранение насилия в общественных отношениях.

Представляют ли себе мадзинисты «республику» без обязательных законов, без вооружённой силы, без уголов-